

МАГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ХОЗЯИНА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ

«...Мой идеал теперь хозяйка
Да щей горшок, да сам большой...»
А. С. Пушкин

Размышляя о хозяине и его функциях в восточнославянской традиции, начинаешь понимать, что русский язык иногда демонстрирует неудачи в выборе лексем, призванных обозначать наиболее принципиальные и ключевые для культуры понятия. Одной из таких неудач, безусловно, является слово *хозяин*. Русская лексема *хозяин* очень мало подходит для выяснения обширного круга богатых смыслов, определяющих как ритуальный так и сакральный статус лица, о котором пойдет речь в нашей статье.¹⁵⁴ Русское *хозяин* является заимствованием из тюркских языков, предположительно из чувашского *хожа*, *хижа* 'хозяин' или татарского *хожа* 'учитель, хозяин, старец' (непосредственно из этого источника происходит и др.-рус. *ходжа* 'господин')¹⁵⁵, совершенно оторванным от того разветвленного древа исконных общеславянских лексем, обозначающих хозяина и восходящих к индоевропейскому корню. Тюркское заимствование *хозяин* вытеснило из русского языка исконного *господаря*, заботливо сохраненного остальными славянскими языками, ср.: болг. *господар*, *господарь* 'хозяин, барин, государь', макед. *господар* 'хозяин, господин', 'государь, властитель, правитель', серб. *господар* 'хозяин', словен. *gospodár* 'хозяин', чеш. *hospodář* 'хозяин', 'управляющий', польск. *gospodarz* 'хозяин', 'землевладелец', в.-луж. *hospodar* 'хозяин', н.-луж. *góspodar* 'хозяин, домохозяин, сельский хозяин', укр. *господарь* 'хозяин, владелец, глава в доме', белор. *гаспадар* 'хозяин'. Существовало это слово и в древнерусском языке: *господарь* 'господин, хозяин', 'государь'. Употреблялось оно также для обозначения князей Молдавии и Валахии.¹⁵⁶ Все славянские языки, кроме русского, сохранили и соответствующие названия хозяйки с этим же корнем: *госпожа* (ср. в.-луж. *hospoza* 'хозяйка', н.-луж. *góspoza* 'хозяйка', пол. диалект. *gospoza* 'хозяйка' и

под.) и *господыни* (ст.-слав.): укр. *господиня* 'хозяйка, госпожа', белор. *гаспадыня* 'хозяйка', словац. *hospodyňa* 'хозяйка', пол. *gospodyni* 'хозяйка, госпожа' и др. Все эти и другие примеры свидетельствуют, что искать первоначальные истоки ритуальных и магических функций восточнославянского хозяина имеет смысл в этимологии общеславянского слова *господарь*.

Лексема *господарь*, будучи производным от существительного *госпо́да* (ср., др.-рус. *господа* 'дом, хозяйство', словац. *hospoda* 'жилье', н.-луж. *góspoda* 'пристанище, трактир, гостинца' и др.) через него восходит к праслав. **gospodь* / **gospodin*, которое в славянских языках получило два основных значения — социально-юридическое и сакральное: 'господин, повелитель' и 'Господь Бог'. Праславянская лексема **gospodь* < **gost-pod-* представляет собой сложение двух и.-е. основ: **gost-* (откуда, в частности, рус. *гость*) и **pot-* со значением власти, обладания, владения, потенции.¹⁵⁷ Праслав. **gospodь* родственно лат. *hospes* 'хозяин', произошедшего от тех же основ, и может быть истолковано как 'господин гостей', т.е. 'тот, кто способен дать прибежище гостям в своем доме, предоставить кров гостю, оказать гостеприимство'. Таким образом, становится ясно, что первоначальная семантика славянского хозяина-*господаря* была связана с ритуалом гостеприимства¹⁵⁸, а это делает первичной доминантой образа не прагматические, не хозяйственные, а ритуальные функции. Произшедшая в дальнейшем семантическая эволюция закрепила за тремя производными от праславянской лексемы **gospodь* три разных значения: сакральное — 'Бог', социально-правовое — 'господин, государь' и третье, которое объединяет в себе первые два, поскольку хозяин-*господарь* в рамках своего хозяйства обладает всей полнотой социально-правовой и сакральной власти. Ср.

¹⁵⁴ Статья написана в рамках исследования по проекту РГНФ № 99-04-00079.

¹⁵⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. С. 254.

¹⁵⁶ Этимологический словарь славянских языков. Т. 7. М., 1980. С. 59.

¹⁵⁷ Этимологический словарь славянских языков. Т. 7. М., 1980. С. 61-62; ср. также лат. *potens* 'сильный, могущий, владеющий, способный', *potentia* 'сила, влияние, власть' и др.

¹⁵⁸ Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 1а-2 // Этимология. 1971. М., 1973. С. 302-306.

рус. пословицы: «Всяк хозяин в своем доме большой» или «Всяк петух на своем пепелище хозяин»; «Своя избушка — свой простор»;¹⁵⁹ «В своем добре сам большой»; «В своем доме как хочу, так и ворочу»¹⁶⁰.

Отблески первоначальной семантики, безусловно, сохранились в образе восточнославянского хозяина-господаря, поскольку прием гостей является его прерогативой (ср., в частности, постоянный мотив приема хозяином гостей в украинских колядках: «Ой, радуйся, хазяїне, веселися, хазяїне / В своєму дому. / Весь двір на помості / в його щодня гості»)¹⁶¹, но на этом его функции не исчерпываются. Для того, чтобы предоставить гостям кров, нужно этот кров иметь, недаром, образ хозяина в русских пословицах тесно связан с концептом дома: «Хозяин добр — и дом хорош, хозяин худ — и в доме тож»; «Дом красится хозяином»; «Без хозяина дом — сирота»; «Всякий дом хозяином держится»¹⁶². Подчеркивая, что благополучие хозяйства непосредственно зависит от качеств его хозяина, пословицы свидетельствуют, что наряду с хорошим хозяином может существовать и плохой, своего рода «анти-хозяин» с совершенно другим набором характеристик: «Горе тому, кто непорядком живет в доме»; «Бежит от дому, будто черт от грома»; «У него в доме нечем собаки заманить»; «Дом: одни буйны ветры по углам перекликаются» и др.¹⁶³

Поэтому прежде чем говорить о том, каким образом в восточнославянской ритуальной практике прослеживаются первоначальная, древняя семантика слова «господарь», нужно выяснить, а кто вообще может быть хозяином, какими качествами должен обладать полноценный хозяин? Существует ли, если так можно выразиться, «эталон» хозяина и из каких дифференциальных признаков он состоит? Во-первых, очевидно, что полноценным хозяином может быть только мужчина. Этнографические материалы XIX — XX вв. свидетельствуют, что если семья лишается хозяина (в случае его смерти, тяжелой болезни, старости и неспособности вести хозяйство) его место занимает старший сын (или просто сын, если он единственный) и только в случае, если в семье нет сыновей или они еще малы, роль «хозяина» принимает на себя старшая в семье женщина — жена «ушедшего со сцены» хозяина¹⁶⁴. Слова «хозяйка», «большуха», «господиня» обозначают, прежде всего, не женщину-хозяина, а жену хозяина, которая имеет свой собственный объем бытовых и ритуальных функций и является неотъемлемой частью хозяйского статуса своего мужа, если так можно сказать — первым лицом той «свиты», которая «играет

короля». Ситуации, при которых женщина, часто вынужденно, принимает на себя функции хозяина, осознаются в народной традиции как отклонение от нормы. Это или смерть хозяина при отсутствии в доме взрослых сыновей или сыновей вообще или случаи, когда хозяин становится «анти-хозяином», например, пьяницей и не способен сам управлять хозяйством.

Чтобы быть хозяином, нужно обладать определен

Рис. 10. Крестьянская семья из с. Копально Чусовского р-на Пермской обл. Начало XX в. Фото из архива ИЭА (Пермский отряд)

ной социальной и сексуальной полноценностью, нужно, прежде всего, состояться как мужчина. Согласно канонам русского обычного права, «глава семьи — один — *большак* (непрерменно женатый и старший в семье)» или: «глава семьи, или *большак* — это отец, способный работать. Если отца нет, то главой семьи становится мать. Женатый старший сын, живущий с отцом, называется *подбольшим* и при старом отце и матери становится *большаком*»¹⁶⁵. Нельзя быть хозяином, не имея дома и не имея хозяйства. Нужно заметить, что русские диалекты продолжают сохранять первоначальную семантику слова *дом*, дошедшую с праславянских времен — «семья», «место жизни семьи», «домашнее хозяйство» (ср. ц.-слав. *домовитъ* «хозяин дома, глава семейства»; рус. выражения: *на дом кланяться*, т.е. «кланяться домашним, всем членам семьи»; *дружить* или *ходить домами* — «дружить семьями», а также рус. диалект. лексемы *домач* «экономный, разумный хозяин», *домашник* «хозяйственный человек», *доможира* «состоятельный хозяин», *домаха* «хорошая хозяйка»). Из всего этого следует, что статус хозяина подразумевает наличие у него *дома* в обоих значениях этого слова — семьи и хозяйства. В колядках, исполняемых хозяину, он изображается сидящим в собст-

¹⁵⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1993. С. 549.

¹⁶⁰ Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 205.

¹⁶¹ Календарно-обрядові пісні. Київ, 1987. С. 269.

¹⁶² Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 567.

¹⁶³ Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 569-571, 553.

¹⁶⁴ См., например, Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 181-182.

¹⁶⁵ Быт великорусских... С. 181.

венном доме среди хозяйства, изобилия и среди своей семьи:

Да этот чей стоит дом, да чей высокий новый терем?
 Да этот дом стоит Филиппа Ивановича...
 Да ты позволь, сударь хозяин, ко двору прийти...
 Да виноградие спеть, в дому хозяина опеть,
 В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть.
 Да как хозяин во дому — да как Адам в раю,
 Да как хозяйка во дому — да как оладья в меду,
 Да малы деточки — да часты звездочки...¹⁶⁶

Тот же мотив повторяется и в украинских колядках:

А в цім домку, як у вінку...
 А господар, як виноград,
 Господинька, як калинка,
 А діточки, як зівочки...¹⁶⁷

или:

Чи є, чи нема господар дома?
 В стодолойці є, житейко віє...
 Чи є, чи нема господинейка дома?
 В світлоньці є, хлібойко пече...
 Чи суть, чи нема его синойки дома?
 В стаєнощи суть, коники чешуть...
 Чи суть, чи нема его донейків дома?
 В світоїці суть, золото прядуть...¹⁶⁸

Наконец, еще одна отличительная черта хозяина-господаря: в пределах своего дома он обладает абсолютной властью, он владеет хозяйством. Глагол *владеть* в русских говорах имеет два значения: 'обладать' и 'быть здоровым, иметь силу', что возвращает нас к мысли о том, что понятие *власть* хозяина включает в себя не только право распоряжаться и обладать своей собственностью, но и способность правильно ею распоряжаться, обладание необходимой продуцирующей силой для того, чтобы обеспечить нормальное существование этой собственности. О хозяине также говорят, что он «ведет дом» (ср. пословицу: «Дом вести — не бородой трясти»), т.е. обеспечивает *вод*, плодovitость, правильное развитие всего хозяйства.

Ритуальную и магическую роль хозяина в семье можно сравнить с ролью жреца. Во-первых, потому что он устанавливает и определяет порядок, правильность развития событий в семье, он направляет жизнь по упорядоченному руслу, включающему в себя исполнение самим хозяином и его домочадцами всех необходимых хозяйственных и ритуальных действий, призванных обеспечить здоровье, благополучие, плодородие семьи и хозяйства. Во-вторых, потому что хозяин, подобно жрецу, обладает собственной продуцирующей силой, благотворно влияющей на плодородие хозяйства. В-третьих, хозяин, как и жрец, вступает в контакт с «тем» светом — с душами предков, домовым и пр., для того, чтобы обеспечить своему хозяйству благоприятное развитие. Наконец, в-четвертых, хозяин уподобляется жрецу тем, что он раздает, распределяет благо между членами своего семейства, начиная с ситуации каждодневного застолья или выделения из хо-

зяйства взрослых детей с их собственной долей, кончая ритуальной трапезой, во время которой хозяин разделяет ритуальное кушанье и наделяет им домочадцев.

Общеорганизующая и общеритуальная функция хозяина достаточно очевидна и не требует пространственных комментариев. Хозяин организует ежедневную жизнь семьи в чисто прагматическом плане: он распоряжается деньгами, имуществом и средствами производства семьи, определяет каждого домочадца на ту или иную работу и требует отчета о ее выполнении. Он решает вопросы о строительстве нового дома или хозяйственных построек, покупке или продаже скота, хлеба, корма для скота и т.д. Он организует судьбы своих родных — женит сыновей, выдает замуж дочерей, содержит престарелых родителей. Он обладает правом участия в общественной жизни, в частности, в мирских сходках.

Однако жреческий статус хозяина проявляется, прежде всего, в организации и обеспечении обрядовой жизни семьи: выполнения календарных и охранительных ритуалов, магических практик, связанных с постройкой нового дома и перехода в него, обрядов купли-продажи скота, совершения положенных жертвоприношений и т.д. Можно констатировать, что хозяин обеспечивает мифологическое программирование бытовой жизни. Повсеместно хозяин выбирает место для нового дома, проверяя, не стоит ли он на «неправильном» или сыром месте — именно от его выбора и от его знания примет и тайных знаков «хорошего» или «плохого» места зависит будущее благополучие или неблагополучие всей семьи, плодovitость или бесплодие скота. Хозяин договаривается и пьет могоарыч со строителями, участвует в ритуале «первого венца», «первой балки», при установлении матицы, крыши, конька, т.е. построении всех конструктивно значимых элементов дома. Хозяин же обеспечивает «правильный» и безопасный для семьи переход в новый дом, и именно он первым из людей входит в дом, внося туда знаки культурного пространства — хлеб, икону и пр. Если учесть, что в традиционном сознании строительство дома осознается как построение, создание микрокосма, сравнимое с космогоническим актом, то роль хозяина как демиурга, освящающего и закрепляющего своим участием ключевые элементы строительного процесса, становится очевидной. Та же роль хозяина видна и в обряде купли-продажи скота: предметом забот хозяина служит сохранение в своем хозяйстве *вода* и *племени*, если он продает скотину, и их приобретение вместе со скотиной, если он покупает ее. На хозяине лежит ответственность за правильный выбор скотины, при этом подразумеваются не только ее физические характеристики (возраст, здоровье, молочность и под.), но и иррациональные: «двужилность», подверженность «сглазу», «в масть» ли скотина домовому и под.

Свидетельством того, что на хозяина со временем перешли те обрядовые функции, которые в древности были закреплены за жрецом, является знаменитый ритуал-диалог жреца и народа, записанный Саксоном

¹⁶⁶ Русская народная поэзия. Обрядовая. Л., 1984. С. 39.

¹⁶⁷ Календарно-обрядов... С. 270.

¹⁶⁸ Календарно-обрядов... С. 270-271.

Грамматиком в XII в. на о. Рюгене и многократно описанный в научной литературе¹⁶⁹. «В жертву приносится медовый пирог-каравай, круглый и такой большой, что высотой он почти с человека. Ставя этот пирог между собой и народом, жрец имел обыкновение спрашивать у руянцев, видят ли они его. Когда ему отвечали, что видят его, он выражал желание, чтобы через год его не могли видеть (...) при этом жрец имел в виду не свою судьбу или судьбу народа, а изобилие будущего урожая». Позднейшие фиксации этого ритуала, записанные в Герцеговине, Черногории и в украинском Полесье, свидетельствуют, что этот ритуал стал выполняться в пределах семьи, где функциональным жрецом выступал хозяин. Например, в Черниговском Полесье накануне Нового года, когда на столе уже все приготовлено для праздничного ужина, хозяйка просит мужа исполнить закон. Хозяин садится в красном углу, перед ним стоит куча пирогов. Дети спрашивают: «Де ж наш батько?» — «Хыба вы мене не бачите?» — спрашивает отец. — «Не бачимо, тату!» — «Дай же Боже, и на той рік не бачили!» При этом он раздает мальчикам пироги¹⁷⁰.

Семиотически значимыми представляются не только его действия, но и весь круг связанных с ним предметов и обстоятельств, а также стереотипов поведения его самого и домашних. Знаковым является местоположение хозяина во главе стола в красном углу, особенности его одежды в разные ритуальные моменты (пребывание в шапке или без шапки, босым, обнаженным), поведение в его присутствии младших членов семьи. Считалось, например, что если хозяин будет сидеть дома в шапке, у него оглохнет жена или теща (Тихманьга каргоп. арх.); при отъезде хозяйского сына из дому, отец кидает сыну шапку и говорит: «Шоб вернуўся ешчэ ў хату» (Радчицк стол. брест.); если умирает кто-либо из домочадцев, хозяин не надевает шапки до самого погребения, чтобы предотвратить в семье дальнейшую смертность¹⁷¹. Вещи, принадлежащие хозяину дома, могут наделяться особой магической силой, например в Полесье хозяйской ложкой разливали борщ на Рождество. «Мужчинску ложку никому не можно трогать. Ложка така закорючена, древяна. Тей ложкой насыпала баба боршч, як снидали на Роздво» (Вышевичи радомышл. жит.); хозяйка мужниными штанами накрывала тесто в деже, чтобы удавался хлеб (Вышевичи радомышл. жит.); хозяйскую ложку клали за пояс больным детям, чтобы вылечить их от «сглаза» (Вышевичи радомышл. жит.); считалось, что ложка умершего хозяина обладает способностью выводить бородавки (полес.) и пр.

Продуцирующие функции хозяина. Очевидно, что основная задача хозяина — сохранение и умноже-

ние своего хозяйства и достатка. Он заботится о том, чтобы была унавожена пашня, чтобы была обработана и засеяна нива, чтобы был собран и сохранен урожай, чтобы была ухожена и здорова скотина, чтобы она давала приплод, т.е. чтобы в его хозяйстве все *велось* и плодилось. Однако деятельность хозяина по обеспечению плодородия и достатка вовсе не сводится к выполнению им суммы чисто прагматических аграрных или скотоводческих приемов. Достаток и изобилие в хозяйстве прибывают благодаря магическому статусу самого хозяина, который в народном сознании сам является источником плодородной силы, поэтому урожай (или неурожай) зависит от наделенности того или иного хозяина необходимой степенью «плодородности» и от его умения передать эту продуцирующую силу своему хозяйству: полю, скоту, пчелам и т.д. Очевидно также, что способность хозяина обеспечивать плодородие своего хозяйства самым непосредственным образом соотносится с его мужской потенцией. Недаром в народном обычном праве юридический статус хозяина связан с возрастом: хозяином мог быть половозрелый мужчина. При этом нижняя возрастная планка часто начиналась с 25 лет, а верхняя достигала 60 лет — по достижении этого возраста хозяин передавал хозяйство взрослому сыну, а сам переходил в разряд стариков.

В наиболее откровенной форме продуцирующие функции хозяина проявляются в аграрной магии, в частности, в правилах и предписаниях, связанных с началом пахоты и засеванием, которые должны производиться только здоровым и нестарым мужчиной. Например, в Московской губ. крестьянин, который должен производить засев, определялся на мирской сходке. Если жребий падал на домохозяина старого или больного, он поручал засев своему сыну, но он не мог поручить это женщине или девушке — мир следил за этим и накладывал штраф на нарушителя. В этих случаях засев признавался недействительным и для нового засева выбирался другой человек: «Раньше в поле с севалкой ни одной бабы не увидишь, ну и урожаи были хорошие»; «Самим Богом положено, чтобы сеял мужик»¹⁷². Очевидно, что «качество» хозяина, производящего засев, непосредственно влияет на качество будущего урожая: «Трэба, шоб добрый, богатый хозяин сеял пэрший. А як бедный вийдэ, то може и набить його той богатый, шоб не лез» (Боровое заречн. ровен.); «Ну, как пашню начинали, дак тоже как будто в доме праздник заводился, хозяина подготавливали ко всему, ну чтобы в байне намылся, в чистом шол, чтобы не расстроить» (Тихманьга каргопол. арх.).

Представления о пахоте и севе как о символическом совокуплении с землей и ее оплодотворении, а об урожае как о результате беременности земли достаточно подробно освещались в научной литературе¹⁷³, об этом же свидетельствуют, например, загадки о пахоте и за-

¹⁶⁹ Толстой Н.И. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 6-7.

¹⁷⁰ Толстой Н.И. Указ. соч. С. 11-12.

¹⁷¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994. С. 89, прим. 1.

¹⁷² Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 118.

¹⁷³ См.: Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 71.

севании типа: «Старик старушку шангил-лангил, заросла у старушки шанга-ланга». О том, что хозяин, пахущий или засевающий свою ниву осмыслялся как ее оплодотворитель, свидетельствует многократно описанный обычай полного или частичного обнажения хозяина при начале пахоты или севании. Этот обычай в Полесье сохранялся и в XX веке: при севе хозяин снимал штаны (Олбин козелец, черниг.), снимал обувь и сеял босой или без шапки: «Ну, розувалися, як сеяли. Як конь добре не ходит у борозни, да пэрэобувалися мушчины. Пэрэобують спеціально ноги: сеў, разуўся да знова обуўся» (Радчицк стол. брест.). Характерно, что обнажение хозяина во время сева имеет не только продуцирующую, но и охранительную функцию: просо хозяин сеял, раздевшись донага, чтобы воробы не клевали посевов; для этой же цели хозяин обнаженным трижды обегал свое поле. Обнажение мужских гениталий — один из устойчивых и универсальных апотропейческих приемов в народной культуре, употребляющийся и при защите от нечистой силы. В частности, чтобы нечистая сила, летящая в вихре, несущемся на людей, не причинила вреда, мужчина должен спустить штаны (Олбин козелец, черниг.). В наиболее откровенной форме идею оплодотворения земли содержат магические действия хозяина и хозяйки, символизирующие соитие — катание и кувырканье по житу (обычно это происходило в Юрьев день или в день начала сева): «Когда идут сеять хлеб, то баба с мужиком катаются по участку, чтоб жито двойные колосья родило» (Арельск трубчев. брян.).

Необходимо особо отметить, что продуцирующая сила вспахивания хозяином своей земли проявляется и в тех случаях, когда осуществляется ритуальная пахота, имеющая целью обеспечить не урожай, а хорошее размножение скота, при этом к продуцирующей силе самого хозяина, осуществляющего вспашку, прибавляется совокупная сила всей семьи: при построении нового двора для содержания скотины хозяин всю площадь двора пашет сохой, запрягая в нее вместо лошади всю свою семью, потом боронит, засеивает зернами ржи, овса и ячменя, а иногда и живыми муравьями — все это должно благотворно повлиять на размножение скотины¹⁷⁴.

С обеспечением хозяином плодородия в своем хозяйстве тесно связаны представления о хозяйском глазе, который также обладает продуцирующими возможностями и наделяет свой скот и ниву плодородной силой. Поэтому одна из главных функций хозяина — осмотр и обход своего хозяйства — носит не только и не столько утилитарный, сколько сакральный и ритуальный характер и является формой передачи потенции от хозяина к хозяйству. Осмотр хозяином своего добра можно считать противоположностью «сглазу» — осмотру чужим, «злым» глазом, который отбирает плодородие и достаток (по пословице «Свой глаз — миленький дружок, а чужой — ворог»). Красноречиво об этом свидетельствуют пословицы: «От хозяйского глаза и конь добрест»; «От хозяйского глаза жиреет и

кот»; «Хозяйский глаз всего дороже»; «Глаз господский убождает ниву»¹⁷⁵. Здесь примечательно свойство хозяйского глаза *убождать* ниву — наделять ее тучностью, плодородием, преумножать изобилие (ср. др.-рус. *гобино* — «обилие» и его производные — др.-рус. *гобзити* «изобилывать», рус. диалект. *гобзить* «обильно кормить, пичкать», др.-рус. *гобзовати* «способствовать обилию, умножать» и др.). Вспомним, что в известном эпизоде из Повести временных лет, описывающем неурожай и голод 1071 г., погубивший множество человек, это несчастье объясняется злой деятельностью ведьм, которые «держат обилье» и которых надо истребить, чтобы вновь появилось «гобино»¹⁷⁶.

Силу наделять плодородием имеет не только хозяйский глаз, но и вообще обход хозяином своих владений — передача плодородия осуществляется через соприкосновение ног хозяина с землей: «Хозяин по двору пройдет — рубль найдет, назад пойдет — другой найдет»; «Где хозяин прошел, там и хлеб уродился»¹⁷⁷. Характерно, что последняя пословица является прямым перифразом известных колядок про козу («Де коза стопою, там жито копою (...) де коза ходит, там жито родить»¹⁷⁸), а также других обрядовых песен, где в качестве сакральных обходчиков, чей контакт с землей вызывает обильный урожай, выступают св. Николай, св. Юрий, св. Илья или сам Господь Бог:

... Ох, Ілля, Ілля, дзе ты хадзіў...
Я па полю хадзіў, пашаньку радзіў,
Што ступлю ступою, стаяць снапкі капою...¹⁷⁹

Этот же мотив обхода нивы как способа сообщить ей плодородие прослеживается и в харьковском поверье: если уродится хороший хлеб, говорят, что «сам Бог походы по нивы», а если плохой — что «роботныка посылав»¹⁸⁰.

В белорусской песне, приводимой Древлянским¹⁸¹ в качестве сакрального обходчика выступает Ярило, чей образ устойчиво связан с плодородием, однако в подлинности сообщений Древлянского всегда есть серьезные сомнения:

А гдзеж јон нагою,
Там жыто капою,
А гдзеж јон ни зырне,
Там колас зацьвяце.

Даже если не принимать во внимание текст, приводимый Древлянским, становится очевидно, что магический статус хозяина определяется его правом (и обя-

¹⁷⁵ Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 547-548.

¹⁷⁶ Повесть временных лет под 1071 г.

¹⁷⁷ Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 548.

¹⁷⁸ Календарно-обрядові... С. 342.

¹⁷⁹ Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі. Беларуская народная творчасць. Мінск, 1975. С. 173.

¹⁸⁰ Иванов В.В. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки этнографии края. Харьков, 1898. Т. 1. С. 272.

¹⁸¹ Древлянский П. Белорусские народные предания // Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения. СПб., 1846. С. 21.

¹⁷⁴ Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994. С. 17.

анностью) выступать в качестве земного заместителя сакральных сил, наделенных способностью производить «гобино», т.е., по существу, выступать в качестве жреца, т.е. заместителя божества. Особенно отчетливо эта жреческая функция видна в рождественской обрядовой практике, когда хозяин непосредственно выступает в роли Бога. В белорусском Полесье в сочельник хозяин обходит снаружи дом с хлебом или кутьей. Кто-нибудь из домашних из комнаты его спрашивает: «Хто там ходзиць? — Сам Буг ходзиць! — А што ён робиць? — Жито родзиць!»¹⁸². На северо-западе Белоруссии подобный обряд совершался на «деды», т.е. в поминальные дни, когда души умерших предков посещали свои дома. В этот день хозяин трижды обходил свой дом с буханкой хлеба, а жена, сидя у окна, спрашивала его: «Кто там идзе? — Сам Бог! — Цо несе? — Боски дар». После чего хозяин возвращался в хату и все садились ужинать¹⁸³.

Представления о продуцирующей силе, исходящей от хозяйского глаза и вообще от присутствия хозяина среди своего хозяйства, подтверждаются полесским обычаем хождения в жито. На весеннего Юрия хозяин, часто с членами своей семьи, выходил в поле и обходил его «по солнцу». Обход мог сопровождаться ритуальной трапезой в поле. Этот обычай в районах западного Полесья назывался «ходить смотреть (дивиди, побачить, гледати) жито»¹⁸⁴. «У жыто ходять дывытыся на Юрья. Ходыли и того самого хрэшчыка брали и с тым хрэшчыком ходыли до жыта? Кругом своего поля обийдэ, Богу помолицца и йдэ до дому» (Радеж малорит. Брест.); или: «На Юрья идуть оглядаты своего маёнтка, обходять свою рожь, бэруць сьвятую скатерку, хлиб святы и обходыли» (Ковнятин пинск. брест.); «На Юрья з ранка идэ хозяин у поле и бэрэ хлиб с собою (...) кладэ ёго на свою ниву, помолицца Богови и тоди обходэ ниву и домой ворочаеця» (Ветлы любешов. волын.); «Юрей. Ходять посмотреть, якее жыто растэ. Мушчыны идуть по полях, берут хлеба, пирога берут». При этом в некоторых случаях указывается прямая зависимость хорошего цветения злаков от хозяйских обходов: «На Юрья вэсняного [специальный пирог] пэкли. Идэ хозяин, обходять свое усе поле — буде хорошо жито красовати»; «Гэто на Юрья. Спечэ хозяин таку пасочку малэньку и бэрэ ее хозяин и ужэ идэ на поли, *босой* идэ и кладэ ту пасочку у жыто и ужэ хрэсцяца, молицца, коб Биг урожай даў» (Кривляны жабинк. брест.); «На Юрья мой батька бэрэ хлеб под пах, обертаў полотенцэм, иде кругом жыта ходить. Обходе, походе — побачить, як хлеб расте...» (В. Жары брагин. гом.).

Если в первой половине аграрного цикла хозяин отдает ниве свою силу в прямом и переносном смысле этого слова, чтобы получить хороший урожай, то при сборе урожая важны ритуальные действия, призванные компенсировать хозяину затраченную потенцию, восстановить ее. Наиболее ярко это проявляется в дожинальных обрядах с первым или последним сжатым венком или снопом, который служит символическим эквивалентом всего урожая и считается обладающим особой плодородной силой (зерна именно из этого снопа или венка используются при последующем засевании). Сплетенными или связанными колосьями из первого или последнего снопа обвязывали хозяина (а в советское время — председателя колхоза), их надевали ему на шею, отдавали в руки, переносили на хозяина магическую силу колосьев: «Обвязывали самого главного хозяина [теперь председателя], венка з жита свили да паразали [т.е. перевязали]. Да поехал ён до хаты з венком (...) Як жнуть чужие наймиты, той обвязывают пэрэвэсло — жмэню колосся з колоссями, обвязвать ў пояс, кажуть: “Дай, Божэ, коб дождаў на той год да напахаў жыта”. Чи мужовия родня обвязвала. Як стаў колхоз — прэдсэдателя обьяжем» (Радчицк стол. брест.). Для дожинальных ритуалов, призванных воздать хозяину потраченную им силу с помощью контактной магии, вообще характерно мифологическое отождествление, слияние реального хозяина и последнего снопа, который также часто назывался *хозяином*¹⁸⁵, ср., например, обряд, в котором хозяин помещается среди сжинаемых колосьев, из которых образуется последний сноп: «Вот они собяруцца жнеи. Собираюцца женщины, мужчины, хозяина содють сюда, ў серядину [несжатого хлеба], обжинают яго: кажная сярпом режеть и становить, становить это, яго обложать [сжатыми колосьями]... На главу ставяць яму сноп, кругом яго обставляють, и сидить, как хозяин. Только што закуску там, водку [кладут] — обычай такой. Потом выпьють — начинают щипать хозяина, и тот уходит...»¹⁸⁶.

Приведенные выше примеры дают основание представить контакт хозяина со своей нивой в течение всего аграрного цикла как двухактный процесс, в начале которого хозяин воздействует на землю (Д.К. Зеленин даже сравнивал этот процесс с совершением насилия над землей)¹⁸⁷, символически отдавая ей часть своей потенции с целью усиления ее плодоношения, а при завершении происходит ритуальное возвращение хозяину плодородных сил при наделении его снопом из нового урожая.

Однако продуцирующая роль хозяина вовсе не сводится к тому, что он наделяет хозяйство собственной потенцией. Он усиливает плодородие своего хозяйства, переносит на него плодородие других субстанций, обла-

¹⁸² Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1887. С. 36.

¹⁸³ Романов Е.Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильно, 1911. С. 44.

¹⁸⁴ Агапкина Т.А. Очерки весенней обрядности Полесья // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 46 (все примеры из Полесского архива отдела этнолингвистики Института славяноведения РАН — далее ПА).

¹⁸⁵ Терновская О.А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 93.

¹⁸⁶ Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998. С. 154 (Дубье демид. смолен.).

¹⁸⁷ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917-1934 гг. М., 1999. С. 35-48.

дающих в народном сознании повышенной продуцирующей силой. Например, для обеспечения урожая хозяин закапывает на поле или оставляет в борозде хлеб, яйцо или яичные скорлупки, кости пасхального поросенка, крошки от пасхальной еды и т.п. Подобные действия прекрасно иллюстрируются хозяйственной магией, призванной увеличить вод и приплод скота. Одни из этих действий приурочиваются к определенным календарным датам (чаще всего святочного периода), другие исполняются независимо от конкретных сроков. В частности, чтобы обеспечить вод скота, хозяин в Великий четверг вырубает в лесу такой пенек, у корневища которого муравьи сделали гнездо, — из этого обрубка хозяин делает корытце. Затем хозяин берет муравьев со всем гнездом или его частью, несет домой, ставит в овечьем хлеву корытце, наливает туда воды и высыпает муравьев. Наговоренную воду с муравьями хозяин дает пить овцам¹⁸⁸.

Итак, хозяин не только расходует свою потенцию, распространяя ее на все хозяйство, но и восстанавливает ее, получая извне, в частности, ею хозяина наделяют жницы, преподнося ему последний или первый сноп в качестве символической квинтэссенции плодородия. За это они получают от хозяина угощение. Эта ситуация угощения, приема гостей, представляющая собой своеобразный обмен дарами или долями, заставляет вспомнить о первоначальной этимологии славянского хозяина-господаря как того, кто принимает гостей, о чем говорилось в начале статьи. Прием и угощение гостей, а также наделение их дарами как способ пополнить и обеспечить собственное благополучие основаны на символике гостя как заместителя или посланника Бога, а иногда и самого Бога, наделяющего хозяев долей и благом (ср. рус. поговорку «Гость в дом, Бог в дом»). Продуцирующая функция «правильного» гостя хорошо видна на примере *полазника* — первого гостя утром на Рождество, чей приход обеспечивал семье благополучное существование на весь год. Часто, чтобы исключить возможность появления в доме «плохого» полазника (например, женщины), эту роль — роль первого гостя — брал на себя сам хозяин, изображая из себя полазника. Недаром в некоторых случаях, как показывалось выше на белорусских примерах, роль «Бога», а, следовательно, и гостя мог брать на себя сам хозяин, чтобы инициировать приход блага в его дом.

Аналогичная модель поведения хозяина прослеживается каждый раз, когда нужно обеспечить благополучие своего хозяйства или какой-либо из его частей. Например, хозяин приглашает гостей на закладки дома — ритуальный обед, устраиваемый по случаю укладки первого венца. Хозяин угощает гостей обедом и первый своей репликой инициирует «подачу» блага самому себе: «Дай, Господы, мени з своею хазайкою в сий хати жыть и дитей дружыть!», а гости «наделяют»

его и его будущую жизнь в новом доме «долей», благополучием, которые символически передаются в виде благопожеланий: «Дай, Боже, щоб весело й гарно и в поли, и в доми, и в скотыни, и в дытыни! Шоб у поли хлиб родыв, а на сим двори шоб Господь скотыну плодыв...»¹⁸⁹. Та же модель прослеживается и в родильном обряде: на следующий день после родов гости собираются в доме, где родился ребенок. Хозяин берет в руки чарку и говорит: «Будьмо здорові! Спасибі, що прийшли. Хай же Господь дає моїй хазайці... ще здоровля, а о тому, що ото коло неї, на много літ!»¹⁹⁰. После этого со следующей репликой выступает один из гостей, который желает родильнице и новорожденному здоровья, богатства и благополучия. Затем поднимается следующий гость со своим благопожеланием и в результате «подача» блага, инициированная самим хозяином, приобретает характер «цепной реакции», что ведет к увеличению продуктивной силы, которой гости наделяют хозяина и его семью. Обычно материальным воплощением этой наделяемой «доли», является хлеб, который гости приносят с собой. Ритуальные благопожелания гостей и хозяев как дар-обмен, описаны весьма подробно¹⁹¹. Мы остановимся лишь на некоторых деталях, позволяющих актуализировать функцию хозяина в ситуации приема гостей как своеобразного «аккумулятора» блага, которым его наделяют гости. В наибольшей степени этот обмен «долями» между хозяином и гостями выражен в ситуации приема хозяином колядников в святочный период. Пришедшие в дом колядующие не только «прогнозируют» хозяину его будущее благополучие («жито, пшеницу, всякую пашнищу...»), но и вполне материально наделяют его «благом», обсыпая зернами жита, пшеницы, гороха и фасоли (Вышевичи радымышл. житом.). Характерно, что в восточнославянских песнях, сопровождающих колядование хозяину, постоянно встречается мотив «приема гостей»: в гости к хозяину приходят сам Господь, Богородица, ангелы, праздники, а также стихии — солнце, месяц, звезды:

Засцілай сталы усе цясовыя,
Кладзі пірагі усе пшанічныя,
Во прыдуць к табе госці любыя,
Госці любыя — сам Гасподзь з неба,
Сам Гасподзь з неба з трыма янгольмі:
Першы янголь — ясна сонечка,
Другі янголь — свецел месячак,
Трэці янголь — дробны дожджычак¹⁹².

В текстах колядок угощение гостей прямо связывается с дальнейшим преуспеванием хозяев. Если учесть, что колядники, приходящие в дом на Рождество, могут

¹⁸⁸ Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим Его Императорского Величества покровительством. Вып. 26. Тобольск, 1916. С. 53 (Тобол.).

¹⁸⁹ Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 173.

¹⁹⁰ Дитина в звичаях і віруваннях українського народу // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 8. Львів, 1906. С. 179.

¹⁹¹ Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: текст и ритуал // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 168-208.

¹⁹² Зімовья песні... С. 201.

соотноситься с душами умерших, в святочный период приходящих «в гости» к живым¹⁹³, то умение хозяина правильно принять таких «гостей» непосредственно определяет благополучное развитие его хозяйства, поскольку умершие родственники осмыслились как опекуны семьи, влияющие на урожай, приплод скота, здоровье семьи.

Таким образом можно сделать вывод, что ситуация приема хозяином гостей, положенная в основу этимологии славянского господаря, является одним из важных способов пополнения хозяином своей продуцирующей силы, которая распространяется и на все хозяйство в целом, а обмен дарами является способом увеличить собственную долю и потенцию.

Статус хозяина как жреца проявляется и в том, что он осуществляет **функцию «медиатора» между своей семьей и «тем» светом**, непосредственно вступая в контакт с представителями «иного» мира, прежде всего с душами умерших предков в их различных воплощениях. Безусловно, контакт с потусторонним миром необходим хозяину постольку, поскольку он призван обеспечить плодородие хозяйства. Наиболее очевидно это проявляется в обрядовом поведении хозяина в поминальные дни и при общении с домовым, который мыслится в народной культуре как мифологическая инкарнация души первопредка. Мысль о том, что умершие предки влияют на материальное благополучие живых сородичей и могут умножать его, если к ним «правильно» относиться, прослеживается во всем комплексе поверий о домовом и определяет отношения между ним и хозяином. Известно, что домовый осмысливается как мифологический хозяин дома, о чем свидетельствуют и его наименования типа *хозяин*, *господарь*, и внешний вид (он показывается как абсолютный двойник живого или умершего хозяина), и его патерналистские и продуцирующие функции. Поэтому в тех ареалах Восточной Славии, где известен этот тип домового, одной из важных обязанностей хозяина-человека является поддержание добрых отношений со своим мифологическим двойником ради благополучия хозяйства. Поскольку отношения хозяина со своим домовым подробно описаны в литературе¹⁹⁴, кратко перечислим наиболее характерные из них: на хозяине лежит обязанность выяснить, какую масть скота домовый предпочитает; хозяин «представляет» домовому новокупленную скотину, отдавая ее под его покровительство; хозяин делает «относы» домовому в определенные календарные даты, дабы приобрести его благорасположение; хозяин «переводит» домового в новый дом. Характерно, что нарушения в статусе реального хозяина влияют и на домового — он такого пола, какого пола в семье хозяин, т.е. если функции хозяина выполняет женщина, то и домовый тоже женщина: «Есть

домовой, в каждом доме жилом есть домовый. Вот если я вот живу здесь, хозяйка, женщина, то у меня домовый — женщина. Где живут мужики, там домовые — мужики. И в каждом доме — кто живет в доме — тот и домовый» (Тихманьга каргопол. арх.).

Доминирующая роль хозяина в контактах с потусторонним миром прослеживается и в жертвенных обрядах умершим предкам, в частности, в обычае «греть покойников», который чаще всего осуществлялся в святочный период¹⁹⁵. Согласно одному из описаний этого обрядового действия, «на Рождество, Новый год и в день Крещения хозяин дома брал горшок с огнем и куль соломы; попросившись с домашними он отправлялся на огород; здесь он сперва полагал три поклона лицом к востоку, потом зажигал сноп соломы с ладаном и приговаривал: «Ты, святой ладонок и серенький дымок, несись на небо, поклонись там моим родителям, расскажи им, как все мы здесь поживаем»¹⁹⁶.

Контакт с «тем» светом хозяин осуществляет и при приглашении Мороза, волка и других сил природы на рождественский ужин. В сочельник перед началом ужина хозяин выходил на двор и кричал: «Мороз, мороз, ходы кутню есть, а як не йдэш, то и коли не йды, нэ на мое дэти, нэ на мое телята, не на мое ягнята» (Радчицк стол. брест.).

В различных бытовых и обрядовых ситуациях хозяин фактически выступает как функциональный заместитель Бога, **распределяя долю, удачу, плодородие**. В бытовой жизни это ярко проявляется в строгой регламентации застолья и приема пищи, поддерживаемой хозяином, в частности, об этом свидетельствует центральное расположение хозяина за столом в сакральном красном углу под образами (иногда признается необходимость для хозяина сидеть чуть сбоку, чтобы оставить место для невидимо присутствующего за столом Бога) и закрепленность застольных мест остальных домочадцев в зависимости от их статуса в семье. Распределение «доли» за столом осуществляется непосредственно хозяином, который один имеет право резать и раздавать хлеб, разрезать мясо и наделять им сидящих за столом, а во время праздничной трапезы он разделяет на части ритуальное блюдо (например, голову поросенка на Новый год), в связи с чем возникла характерная формулировка, определяющая желание самостоятельного хозяйствования — «хочется самим кроить-резать говядину»¹⁹⁷. Хозяин дает знак к началу приема пищи, регламентирует смену блюд, а также определяет момент обеда, когда из щей разрешается вытаскивать кусочки мяса.

Функция хозяина как распределителя «доли» особенно заметна в значимые календарные даты, когда жизнь человека как бы «программируется» на длительный отрезок времени. Например, у белорусов в «третью кутью», т.е. накануне Благовещенья, «перед ужином хозяин приносит сено, постилает его на стол...» потом берет «веко» [лукошко] с горохом, ос-

¹⁹³ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982. С. 147.

¹⁹⁴ См.: Виноградова Л.Н. Региональные особенности полесских поверий о домовом // Славянский и балканский фольклор. М., 1995. С. 142-152; Померанцева Э.В. Русские рассказы о домовом // Славянский фольклор. М., 1972. С. 242-256 и др.

¹⁹⁵ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 1994. С. 164-178.

¹⁹⁶ Зеленин Д.К. Избранные труды... 1994. С. 165.

¹⁹⁷ Быт великорусских... С. 195 (Владимир.).

вященный в церкви мел и отправляется изображать кресты в различных частях своих зданий. Домашние между тем готовят ужин, садятся за стол и ожидают хозяина. Вошедши по окончании своего дела в хату, он обращается к семье со следующими словами: «Во время рождения Спасителя три Короля приезжали и сыпали около новорожденного золото; а мы, за неимением золота, сыплем один другим горох». При этих словах он сыплет на стол горох, а сидящие стараются ловить его. Думают, кто поймает большее количество гороху, у того будет много овец»¹⁹⁸.

Осуществляя жреческие функции, заботясь о выполнении и распределении продуцирующей силы и вступая в контакт с «тем» светом, хозяин все время существует как бы на пограничье с «иным» миром, а следовательно, подвергается наибольшей опасности по сравнению с другими членами семьи, принимая на себя «первый удар». Хозяин все время вынужден иметь дело с предметами и субстанциями, отмеченными знаком «иного» мира, — первым (или последним) снопом, первым куском, первым плодом, ритуальными предметами, стихиями, душами умерших предков и т.д. Именно на его голову в первую очередь мастер может «зарубить» дом при начале строительства, на его голову колдун может сделать «залом» в поле, на него ведьма стремится навести порчу. Он первый входит в новый дом при новоселье, тем самым подвергая себя опасности первому умереть в новом доме. Будучи квинтэссенцией семейной доли, удачи, плодovitости, он подвергается наибольшей опасности ее потерять, например, утратить в результате ритуальной кражи (какого-либо предмета со двора) и умереть самому. Поскольку хозяин является «держателем» и воплощением семейного блага, а следовательно, наиболее ценной фигурой в семье, то существует множество магических действий, призванных его обезопасить. Сюда относятся, в частности, бытовые запреты, направленные на сохранение хозяина в семье: например, запрет переворачивать хлеб верхней коркой вниз (калуж.), ставить стол в избе длинной стороной вдоль половиц, чтобы не выжить хозяина из дому (Сура пин. арх.); по этой же причине на Русском Севере запрещалось сажать около дома ель («Елку, говорили, шчо нельзя. Если елку посадили, дак мужики из дома выведутся», Тихманьга каргопол. арх.); давать из дома хозяйскую ложку (каргоп. арх.), мешать ею еду при приготовлении пищи («Николы не мэшалы мужычнской ложкой.

Вин сам, мужык, кажэ: “Моею ложки не мешайте до горшки!”», Вышевичи радомышл. жит.) и даже брать ее другим членам семьи (полес.); убивать пауков («Пауков, говорили, нельзя убивать. Тоже как-то связано с хозяином», Манылово каргоп. арх.). Благополучие хозяина узнавалось по поведению домового, а также по различным приметам, например: «Слыхала, што куры иногда закукарекают. Это к плохому. Хозяину плохо будет. Говорят, это не к добру» (Тихманьга каргопол. арх.).

Смерть хозяина как носителя плодородной силы семьи весьма опасна для хозяйства. Считается, что хозяин способен «утянуть» за собой хозяйство — скот, пчел, урожай, здоровье своих близких. Чтобы умерший хозяин не «забрал» на «тот» свет «спор», плодovitость хозяйства, предпринимают профилактические меры, например при выносе гроба три раза шевелят и три раза подбрасывают зерно, оставленное на семя, иначе хозяин унесет «спор» — «стебло е, а зерно не е»¹⁹⁹; после выноса гроба закрывают ворота хлева и завязывают их красным поясом, чтобы хозяин не увел с собой скот; навешивают на рога скотине красные лоскутки, чтобы предохранить ее от влияния смерти; сообщают пчелам и скоту о смерти старого хозяина и просят их привыкать к новому; а также выделяют умершему его «долю», например кладут ему под мышку хлеб (с.-рус.), бросают в могилу деньги (о.-слав.), режут и съедают на поминках одну скотину из хозяйства, дают подавание нищему, который в народной культуре мог представляться гостем из иного мира.

На основе исследованного материала можно говорить о том, что статус хозяина в восточнославянской традиции строится как статус жреца, чья основная функция — обеспечение продуцирующей силы всего хозяйства. В связи с этим одной из главных задач хозяина является накопление, получение этой силы из разных источников — при контакте с плодородными субстанциями (в частности, с ритуальным снопом из нового урожая), путем помещения в свое хозяйство других плодородных предметов и существ (яиц, хлеба, муравьев и под.), при общении с представителями иного мира (например, с домовым). При этом актуализируется одна из древнейших ритуальных функций хозяина, связанная с первичной этимологией слова *господарь*, — прием гостей, что в контексте его обрядовой и магической деятельности является одним из основных источников получения хозяином блага.

¹⁹⁸ Крачковский Ю.Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874. С. 174 (Вилен.).

¹⁹⁹ Богатырев П.Г. Проблемы народного творчества. М., 1971. С. 268 (Карпатоукр.).